

**Шаг
нал
Обрывом**

Питомник Историй

Шаг над обрывом

«Автор»

2026

Историй П.

Шаг над обрывом / П. Историй — «Автор», 2026

В прошлой жизни он слишком долго откладывал всё на потом. Во второй такой роскоши у него уже не будет. Новый мир не встретил его ни силой, ни особым даром, ни лёгким путём наверх. Здесь одного знания недостаточно, ошибки имеют цену, а чужая слабость слишком быстро привлекает тех, кто хочет воспользоваться ею. Но даже стоя у самого края, можно сделать шаг. Главное — выбрать правильное направление.

© Историй П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Питомник Историй

Шаг над обрывом

Глава 1

Глава 1. Второй шанс

Стакан давно опустел.

Он всё равно не выпускал его из руки, медленно перекатывая между пальцами и наблюдая, как по внутренней стороне стекла сползает последняя прозрачная капля.

В баре было шумно. За соседним столиком кто-то смеялся слишком громко, у стойки спорили двое мужчин, из колонок тянулась ненавязчивая музыка. Обычный вечер обычного рабочего дня.

Таких вечеров за последние годы накопилось слишком много.

Он поднял глаза на своё отражение в тёмном стекле напротив.

Сорок лет.

Помятая рубашка. Расстёгнутая верхняя пуговица. Щетина, которую утром опять было лень сбрасывать. Под глазами залегли тени.

Не старик ещё.

Но и тем парнем, который когда-то был уверен, что всё самое интересное только впереди, он себя давно не чувствовал.

Опять всё катится непонятно куда.

Он чуть усмехнулся.

Хотя слово «опять» здесь было лишним.

Работа была. Квартира была. Денег хватало настолько, чтобы не считать дни до зарплаты.

Если посмотреть со стороны — нормальная жизнь.

Обычная.

Миллионы людей живут так же.

Наверное, даже счастливо.

Только чем дальше, тем сильнее его преследовало ощущение, будто много лет назад он сел не в тот поезд и с тех пор терпеливо едет куда-то не туда.

И самое паршивое — он уже не помнил, на какой станции ошибся.

Бармен остановился напротив и кивнул на пустой стакан.

— Повторить?

Он задержал на нём взгляд.

— Хватит.

Поднялся, положил деньги на стойку и накинул пиджак на плечо.

Пол тут же мягко ушёл в сторону.

Пришлось задержаться возле табурета, будто он внезапно вспомнил что-то очень важное.

Бармен посмотрел на него поверх стойки.

— Нормально?

— Более-менее.

Через пару секунд помещение вернулось на положенное место.

Он направился к выходу.

На улице было прохладно.

После тёплого, прокуренного бара ночной воздух ударил в лицо и немного прочистил голову. Мокрый асфальт блестел под фонарями, растягивая по лужам красные и белые отражения вывесок.

Машин почти не осталось.
Редкие прохожие спешили каждый по своим делам.
Он остановился у двери бара и поднял голову.
Между домами виднелась узкая полоса ночного неба.
Несколько звёзд.
Почему-то именно сейчас они показались особенно яркими.
На губах сама собой появилась слабая улыбка.
Прожил полжизни и ничего толком не добился.
Мысль была неприятной.
Но новой она не была.
В детстве почему-то казалось, что к сорока человек уже должен разобраться, как устроена жизнь.
На деле вопросов стало только больше.
Он засунул свободную руку в карман и пошёл домой.
Не успел пройти и сотни метров, как желудок болезненно свело.
Он остановился.
Нет.
Только не сейчас.
Организм решил иначе.
Пришлось торопливо свернуть к стене ближайшего здания. Он упёрся локтем в холодный кирпич, согнулся и несколько мучительных секунд жалел обо всём выпитом за вечер.
Когда отпустило, он ещё немного постоял, тяжело дыша.
Вытер рот тыльной стороной ладони.
Посмотрел вниз.
— Красота.
В голове неприятно гудело.
Всё как и всегда.
Он оттолкнулся от стены.
До дома оставалось минут двадцать пешком. Можно было вызвать машину, но свежий воздух сейчас казался полезнее.
Он пошёл медленно, не торопясь.
Алкоголь понемногу выветривался, хотя ноги всё ещё ощущались чуть менее надёжными, чем хотелось бы.
У следующего перекрёстка слышался топот.
Кто-то быстро бежал.
Сначала он даже не обернулся.
Мало ли кому понадобилось нестись среди ночи.
Шаги приближались.
Слишком быстро.
Он только начал поворачивать голову, когда из-за угла вылетел человек в тёмной одежде.
Лицо скрывала маска.
В руке что-то блеснуло.
Они увидели друг друга почти одновременно.
Бегущий попытался резко уйти в сторону.
Мужчина дёрнулся навстречу своему краю тротуара.
Оба выбрали одно направление.
Столкновение получилось жёстким.
Чужое плечо ударило его в грудь. Он потерял равновесие.
На мгновение между их телами оказалась зажатая рука незнакомца.

Та самая, в которой был нож.
Резкий толчок.
Что-то вошло в живот почти без сопротивления.
Мужчина даже не успел понять, что произошло.
Оба рухнули на асфальт.
Из лёгких вышибло воздух.
Несколько секунд мир существовал только как тяжёлое дыхание и гул в голове.
Незнакомец поднялся первым.
Сделал шаг.
Потом обернулся.
Его взгляд опустился вниз.
И застыл.
Мужчина проследил за ним.
Из живота торчала рукоять ножа.
Они смотрели на неё одновременно.
Незнакомец побледнел даже под слабым светом фонаря.
Вот тогда всё стало понятно.
Это не было нападением.
Не было даже намеренного удара.
Просто два человека неудачно встретились на одном куске тротуара.
Незнакомец попятился.
В его глазах был настоящий животный страх.
Потом он развернулся и побежал.
Мужчина проводил его взглядом.
— Вот же...
Договорить не получилось.
Тело внезапно стало тяжёлым.
Он осторожно коснулся рукояти.
Не вытаскивать.
Откуда именно он это знал, вспомнить не удалось.
Наверное, где-то слышал.
Телефон.
Нужна скорая.
Он сунул руку в карман.
Пальцы слушались плохо.
Телефон выскользнул, ударился об асфальт и остался лежать совсем рядом.
Экран загорелся.
До него было меньше полуметра.
Мужчина протянул руку.
Не достал.
Попытался ещё раз.
Плечо задрожало.
Перед глазами поплыло.
Он опустился обратно на холодный асфальт.
Странно.
Боли всё ещё почти не было.
Только тепло растекалось под рубашкой, и с каждой секундой становилось тяжелее дышать.
Над головой оставалось то же узкое ночное небо.

Те же несколько звёзд.
Ещё совсем недавно он смотрел на них и думал, что прожил половину жизни.
Выходило, немного переоценил остаток.
Губы дрогнули.
Нормальный конец для моей жизни.
Даже не страшно.
Скорее нелепо.
Сорок лет.
Работа.
Счета.
Планы на завтра.
Невымытая кружка дома.
И случайный человек, который просто оказался не в том месте не в то время.
Как, впрочем, и он сам.
Зрение начало сужаться.
Исчезли дома.
Фонари.
Звуки улицы словно отодвинулись куда-то далеко.
Последними остались звёзды.
Потом исчезли и они.

Он открыл глаза.
Первым пришло удивление.
Боли не было.
Вообще.
Он помнил асфальт. Нож. Тепло под рубашкой.
Но сейчас стоял на ногах.
Вокруг не было ничего.
Ни улицы.
Ни домов.
Ни самого города.
Серое пространство уходило во все стороны, не имея ни края, ни горизонта. Даже определить, где заканчивается пол и начинается небо, не получалось.
Если здесь вообще существовали пол и небо.
Он посмотрел вниз.
Под ногами — то же серое ничто.
И всё же почему-то не падал.
Медленно провёл ладонью по животу.
Цел.
Только теперь он заметил ещё одну странность.
На нём не было ни рубашки, ни брюк, ни вообще какой-либо одежды.
При этом никакой неловкости это не вызывало.
Он словно видел не настоящее тело, а его приблизительное представление.
— Понятно.
Собственный голос разошёлся по пустоте слишком далеко.
Он огляделся.
— Хотя нет. Ни черта не понятно.
— Ты умер.
Голос прозвучал за спиной.

Он резко обернулся.
В нескольких шагах стоял старик.
Когда тот появился, мужчина не заметил.
Длинные седые волосы. Борода. Простая одежда совершенно незнакомого покроя.
С виду глубокий старик, но держался прямо.
Особенно выделялись глаза.
В них не было старческой мутности.
Только усталость.
Не сегодняшняя.
Даже не многолетняя.
Такая, которую человек, похоже, носил почти всю жизнь.
Мужчина посмотрел на него и снова ощупал живот.
— Значит, всё-таки умер.
Старик слегка кивнул.
Странно, но после подтверждения ничего внутри не изменилось.
Наверное, он успел понять всё ещё там, на тротуаре.
Окончательное признание факта оказалось почти формальностью.
— И что теперь?
Старик не ответил сразу.
Он повернулся куда-то в сторону, хотя смотреть здесь было совершенно не на что.
— Теперь у тебя появился выбор.
Вот это уже прозвучало интереснее.
Мужчина молча ждал.
Старик медленно опустился на землю.
Хотя земли там не было.
Тем не менее подол его одежды лёг так, словно под ним находилась твёрдая поверхность.
Мужчина подумал и сел напротив.
После смерти условности начинали быстро терять значение.
Некоторое время они молчали.
— Когда я был молод, — наконец произнёс старик, — я считал, что времени у меня много.
Он говорил негромко, почти равнодушно.
— Тогда почти все так считают.
— Наверное.
Старик провёл ладонью по колену.
— У меня была семья. Дом. Люди, которых я считал чем-то настолько постоянным, что даже не представлял, что однажды их может не стать.
Мужчина уже хотел спросить, но промолчал.
Что-то в голосе старика остановило.
— Когда пришла беда, я оказался бесполезен.
Слова прозвучали без злости.
Именно это делало их тяжелее.
— Слишком слаб, чтобы кого-то защитить. Слишком незначителен даже для тех, кто всё отнял.
Старик усмехнулся.
Без веселья.
— Меня оставили в живых не из милосердия. Просто не посчитали человеком, которого стоит добивать.
Он замолчал.

Перед глазами мужчины неожиданно мелькнул образ.

Не воспоминание.

Скорее ощущение.

Дорога.

Грязная одежда.

Пустой живот.

Чужие двери, закрывающиеся перед лицом.

Он моргнул.

Всё исчезло.

Старик смотрел куда-то мимо него.

— После этого я долго ненавидел свою слабость. Потом понял, что от одной ненависти сильнее не становишься.

Теперь на его лице действительно мелькнула улыбка.

Очень короткая.

— Пришлось учиться.

— Чему?

Старик перевёл на него взгляд.

— Всему, до чего смог дотянуться.

На этот раз мужчина не стал перебивать.

— Я изучал людей. Их тела. Способы развития. Ошибки, которые они повторяют из поколения в поколение. Травы. Лекарства. Алхимию. Формации. Старые записи. Обрывки техник. Всё, что мог найти, купить, выменять или хотя бы однажды увидеть.

В голосе постепенно исчезала усталость.

Не потому, что тема была приятной.

Скорее потому, что именно этим он действительно жил.

— Иногда на одну крупицу знания уходили годы. Иногда я понимал только спустя десятилетия, что половина изученного прежде была ошибкой.

Старик поднял руку.

На ладони ничего не было.

— К концу жизни я знал очень многое.

Пальцы медленно сжались.

— Только воспользоваться этим для того, ради чего всё начиналось, уже не мог.

Тишина между ними стала тяжелее.

Мужчина смотрел на старика и постепенно понимал, к чему всё идёт.

— Семью не вернуть.

— Нет.

В этом коротком ответе впервые прозвучала боль.

Он прожил с ней столько лет, что научился говорить спокойно.

Но она никуда не исчезла.

Старик поднялся.

Теперь он стоял совсем близко.

— Мне больше нечего сделать с тем, что я собрал.

— И вы хотите отдать это мне.

Не вопрос.

Старик кивнул.

— Почему?

— Потому что ты можешь получить то, чего у меня уже нет.

— Время?

— Шанс.

Мужчина медленно выдохнул.

Вот это слово ему не понравилось больше всего.

Обычно за вторым шансом обязательно следовали условия мелким шрифтом.

Старик, похоже, заметил его выражение.

— Я не прошу тебя жить моей жизнью.

— Уже легче.

— И не прошу мстить за меня.

Теперь мужчина посмотрел внимательнее.

— Тогда что?

Старик некоторое время молчал.

Когда заговорил снова, голос стал заметно тише.

— Если однажды перед тобой окажется то, что осталось от моей семьи... не проходи мимо.

Он поднял глаза.

— Дай им возможность выжить.

Никакой клятвы отомстить врагам.

Никакого требования вернуть древнее величие.

Даже слова «спаси» не прозвучало.

Только шанс.

Мужчина потёр подбородок.

Привычного ощущения щетины почему-то не было.

Ещё одна странность этого места.

— Я даже не знаю, куда попаду.

— Я тоже не знаю, насколько многое ещё осталось прежним.

— Тогда обещать, что я кого-то спасу, было бы глупо.

Старик не возразил.

Мужчина задумчиво смотрел в серую пустоту.

Ещё недавно у него были работа, квартира и привычная жизнь, которую он считал неудачной.

Теперь не осталось даже тела.

Терять, по большому счёту, было уже нечего.

— Если мне действительно дадут возможность что-то сделать... — он снова посмотрел на старика. — Я постараюсь поступить правильно.

Старик прикрыл глаза.

На его лице не появилось радости.

Только будто исчезло небольшое напряжение, которое он слишком долго не позволял себе отпустить.

— Этого достаточно.

Он протянул руку.

Мужчина посмотрел на неё.

— И что произойдёт?

— Не знаю, как ты это почувствуешь.

— Отлично.

Старик едва заметно улыбнулся.

Мужчина пожал его руку.

В следующий миг серый мир исчез.

Не растворился.

Не потемнел.

Просто перестал существовать.

В сознание хлынуло чужое прошлое.
Он увидел ладони мальчика, впервые пытавшегося провести энергию через тело.
Чужую боль.
Крики.
Дом, объятый пламенем.
Людей, лежавших на земле.
Он попытался остановить поток, но уже не чувствовал собственного тела.
Грязная дорога сменила огонь.
Зима.
Холод.
Молодой человек в изношенной одежде сидел у стены чужого дома, прижимая колени к груди.
Следующий образ.
Книга.
Руки уже старше.
Пальцы торопливо переписывают несколько строк, пока хозяин свитка отвернулся.
Другой город.
Травник гонит его из лавки.
Он возвращается через год и уже сам объясняет этому человеку, почему тот неправильно сушит редкий корень.
Горы.
Пещеры.
Десятки незнакомых растений.
Запахи.
Вкус.
Цвет сока на срезе.
Температура, при которой разрушается полезное вещество.
Пламя под котлом.
Первые неудачные пилюли.
Взрыв.
Ожоги.
Годы.
Сотни попыток.
Строение человеческого тела.
Потоки энергии.
Повреждения, которые один человек принимал за неизлечимую болезнь, а другой даже не замечал до самой старости.
Схемы формаций — линии, узлы, переплетения, в которых ошибка толщиной в волос превращала защиту в бесполезный рисунок.
Техники.
Ошибки.
Кланы.
Города.
Названия, которых он никогда прежде не слышал.
Информация шла не словами.
Она словно уже всегда находилась в голове, просто до этого он не знал, где её искать.
Годы чужой жизни промелькнули за мгновения.
А вместе с ними — одно чувство.
Сожаление.

Огромное.

Накопленное десятилетиями.

Не о собственной бедности.

Не об унижениях.

Даже не о слабости.

О том дне, когда он оказался недостаточно сильным, чтобы сохранить людей, которых любил.

Мужчина почувствовал, как чужая рука выскользнула из его пальцев.

На мгновение перед ним снова появился старик.

Теперь он выглядел почти прозрачным.

Усталость с его лица исчезла.

— Постарайся лучше меня.

И впервые за всё время он улыбнулся по-настоящему.

Мир погас.

Боль вернулась первой.

Не та, что должна была остаться от ножа.

Другая.

Тупая слабость буквально во всём теле.

Будто он неделю пролежал с высокой температурой и затем решил немедленно пробежать марафон.

Следом пришёл запах дерева.

Сухого.

Старого.

Потом — ощущение жёсткой кровати под спиной.

Он открыл глаза.

Над ним был деревянный потолок.

Мужчина моргнул.

Потолок остался на месте.

Он повернул голову.

Небольшая комната.

Простая мебель.

Стол у окна.

Сундук.

На нём аккуратно сложена одежда совершенно незнакомого вида.

Он лежал неподвижно, прислушиваясь к себе.

Потом вспомнил серую пустоту.

Старика.

Поток чужих знаний.

И умерший на мокром асфальте организм.

Он резко вдохнул.

Получилось.

Сел.

И тут же едва не завалился обратно.

Руки задрожали от одного движения.

— Что?..

Он замер.

Голос был не его.

Слишком высокий.

Мужчина посмотрел на собственные руки.

Тонкие пальцы.

Узкие запястья.

Он отбросил одеяло.

Худые ноги.

Хрупкое тело.

Рёбра легко угадывались даже под тонкой тканью.

— Так...

На этот раз чужой голос прозвучал особенно отчётливо.

Он медленно спустил ноги на пол.

Даже подняться оказалось неприятно тяжело.

На другом конце комнаты стояло небольшое зеркало.

Несколько шагов до него потребовали больше усилий, чем должны были.

Из зеркала смотрел мальчик.

Лет четырнадцати.

Бледное лицо.

Слишком худые щёки.

Светлая кожа.

Тело явно никогда не отличалось крепостью.

Мужчина поднял ладонь.

Мальчик повторил.

Он потрогал лицо.

Провёл пальцами над верхней губой.

Задержался.

Наклонился ближе.

Это что за пушок?

Он внимательно рассмотрел собственное новое лицо.

Потом тихо выдохнул через нос.

Сорок лет прожил. Начинай сначала.

Странно, но паники не было.

Возможно, после смерти и разговора с мёртвым стариком запас удивления закончился.

Он закрыл глаза.

Попытался вспомнить одну из трав, мелькнувших в чужих воспоминаниях.

Название всплыло мгновенно.

Следом — внешний вид.

Запах.

Место произрастания.

Способ хранения.

Лекарственные свойства.

Он открыл глаза.

Попробовал другое.

То же самое.

Алхимия.

Перед внутренним взором возник котёл, последовательность обработки ингредиентов, температурные режимы, способы очистки.

Формации.

Стоило потянуться к этому знанию, как в памяти вспыхивали схемы, опорные точки и десятки способов заставить энергию течь по заранее заданному рисунку.

Методы развития тела.

Техники.
Лечение.
Всё было там.
Не туманными обрывками воспоминаний.
Знанием.
Настоящим.
Доступным.
Сердце забилося быстрее.
Он снова посмотрел на своё отражение.
Худое тело?
Ничего.
Исправит.
Слабость?
Есть лекарства.
Есть способы укрепления.
Есть знания человека, который потратил на их сбор целую жизнь.
В прошлой жизни ему не досталось ни особого таланта, ни богатых родителей, ни великой цели.
А теперь...
Он смотрел в зеркало и постепенно улыбался.
Вторая жизнь.
Другой мир.
И знания, которым здесь, вероятно, не было цены.
Ну наконец-то.
За дверью раздался смех.
Он повернул голову.
Голоса.
Молодые.
Несколько человек приближались по коридору.
Мальчик в зеркале всё ещё улыбался.
Шаги остановились прямо перед дверью.

Глава 2

Глава 2. Первый день

Шаги за дверью стихли.

Он ещё смотрел на своё отражение, когда ручка опустилась.

Без стука.

Дверь распахнулась, и в комнату вошли трое.

На вид — примерно его нынешние ровесники. Может, один был на пару лет старше.

Одежда незнакомого кроя, длинные волосы собраны на затылке, на поясах короткие мечи.

Первым вошёл широкоплечий парень.

За ним двое остальных.

Широкоплечий оглядел его с головы до ног и усмехнулся.

— Смотрите. Молодой глава уже на ногах.

За его спиной тихо засмеялись.

Он не ответил, но обращение отметил.

Молодой глава.

Значит, нынешний хозяин тела занимал здесь не последнее место.

И всё же ни один из троих даже не обозначил положенного приветствия. По местным правилам это было намеренной грубостью.

Пока он слишком плохо понимал, кто перед ним и чего от него ждут.

Зато выражения лиц понимал прекрасно.

Для этого знания другого мира не требовались.

Такие лица он видел и в прошлой жизни.

Менялись одежда, возраст, место.

Суть оставалась той же.

Один хочет показать, что может безнаказанно переступить черту. Двое остальных пришли посмотреть и посмеяться.

Широкоплечий сделал ещё несколько шагов.

— Что молчишь?

Он остановился слишком близко.

Тот спокойно посмотрел ему в глаза.

— А что я должен сказать?

Ухмылка чуть дрогнула.

Похоже, привычной реакции он не получил.

Один из стоявших у двери прыснул.

— Головой ударился?

— Может, наконец поумнел.

Смех стал громче.

Он перевёл взгляд с одного на другого.

Так.

Вариант просто выставить их за дверь выглядел всё менее вероятным.

Широкоплечий положил ладонь ему на плечо.

Не сильно.

Пока.

— Ты что-то сегодня слишком важный.

Пальцы сжались.

Тело сразу отозвалось неприятной слабостью.

Но вместе с этим в голове почти мгновенно сложилась картина.

Положение ног.
Распределение веса.
Напряжение плеча.
Расстояние.
Если тот потянет на себя — шаг в сторону, захват запястья, разворот корпуса.
Старик знал слишком много способов вырваться из такого захвата.
Он посмотрел на руку на своём плече.
Ну хотя бы здесь должно быть просто.
— Убери.
В комнате стало немного тише.
Широкоплечий медленно наклонил голову.
— Что?
— Руку убери.
Тот улыбнулся.
И дёрнул его к себе.
Всё произошло именно так, как он ожидал.
Он шагнул в сторону.
Вернее, попытался.
Нога двинулась поздно.
Совсем немного.
Доли секунды.
Но этого хватило.
Пальцы на плече рванули ткань, тело качнулось вперёд.
Удар пришёлся в грудь.
Воздух вышибло мгновенно.
Он отлетел назад и ударился спиной о край стола.
На несколько секунд дыхание пропало.
Широкоплечий замер.
Кажется, даже он не ожидал настолько слабого сопротивления.
Потом усмехнулся.
— И это всё?
Он опёрся ладонью о стол.
В голове уже был следующий ответ.
Противник стоял слишком прямо.
Левая нога чуть впереди.
Корпус открыт.
Шаг внутрь.
Локоть под рёбра.
Если продолжит движение — использовать собственный вес против него.
Просто.
Он видел это почти так же ясно, как если бы уже делал сотни раз.
Широкоплечий приблизился.
Рука пошла вперёд.
Он заранее увидел удар.
Начал уклоняться ещё до того, как кулак сорвался с места.
И всё равно не успел.
Кулак скользнул по скуле.
В глазах вспыхнуло.
Он пошатнулся.

Да что с этим телом?
Второй удар удалось встретить ладонью.
Точнее, он попытался.
Чужой кулак просто продавил защиту.
Запястье болезненно выгнулось, собственная рука ударила его же по лицу.
Сзади снова засмеялись.
Теперь уже без сдержанности.
Он отступил на шаг.
Ноги были ватными.
Сердце колотилось так, будто он уже пробежал несколько километров.
Хотя всё происходило меньше минуты.
Широкоплечий снова пошёл вперёд.
Теперь мужчина внутри четырнадцатилетнего тела понимал проблему совершенно отчётливо.
Он знал, что делать.
Видел ошибки противника.
Предугадывал движения.
Даже успевал принять решение.
Только между решением и действием находилось это тело.
Слабое.
Медленное.
Непослушное.
Будто ему выдали все инструкции по управлению машиной, а вместо двигателя оставили пару педалей от велосипеда.
Ещё один удар он увидел заранее.
Уклониться не смог.
Потом его толкнули.
Кто-то подставил ногу.
Пол оказался совсем рядом.
Щекой он ударился о доски.
Сверху раздался смех.
Не ярость.
Не ненависть.
Для них это вообще не было серьёзным конфликтом.
Развлечение.
Широкоплечий присел рядом.
— Ты хотя бы в следующий раз не делай такое лицо.
Он слегка хлопнул его по щеке.
— А то можно подумать, что ты действительно что-то умеешь.
Ответа не последовало.
Не из гордости.
Просто сейчас рот был занят тем, что пытался нормально дышать.
Троица ещё немного постояла рядом.
Потом потеряла интерес.
Перед выходом кто-то всё-таки обернулся.
— Отдыхай, молодой глава.
Дверь закрылась.
Шаги удалились.
В комнате стало тихо.

Он полежал ещё немного.
Потом медленно перевернулся на спину.
Потолок был всё тот же.
Деревянный.
Спокойный.
Будто ничего не произошло.
Он поднял руку и потрогал разбитую губу.
На пальце осталась кровь.
Он задержал на ней взгляд.
Потом закрыл глаза.
Умер.
Пауза.
Переродился.
Ещё одна.
И в первый же день меня избили дети.
Он открыл глаза.
Посмотрел в потолок.
А мне ведь сорокет...
Тишина.
Сейчас бы выпить.
Он задумался.
Так ведь не продадут.
От этой мысли почему-то стало чуть легче.
Он медленно сел.
Смешно было ровно до тех пор, пока не пришлось вставать.
Каждая мышца отзывалась болью, хотя били его не особенно сильно.
Для прежнего тела такая драка закончилась бы несколькими синяками и испорченным настроением.
Нынешнее воспринимало случившееся почти как серьёзную нагрузку.
Он снова подошёл к зеркалу.
Щека начинала темнеть.
Губа разбита.
На шее краснел след от пальцев.
Но всё это было мелочью.
Куда больше беспокоило другое.
Он поднял руку.
Медленно сжал кулак.
Разжал.
Повторил быстрее.
Тело слушалось.
Просто слишком плохо.
— Совсем плохо.
Собственный молодой голос всё ещё казался чужим.
Он закрыл глаза и обратился к знаниям старика.
Методов укрепления тела было множество.
Некоторые требовали редких лекарств.
Другие — долгих тренировок.
Третьи могли сделать калекой человека, который неправильно оценит собственные возможности.

Но были и простые варианты.

Травы.

Питательные составы.

Пилюли.

Он открыл глаза.

Вот и решение.

Тело слабое?

Исправимо.

Нужны лекарства.

А лекарства он теперь умел создавать.

Мысль настолько очевидная, что настроение сразу улучшилось.

Пусть сейчас он слабее подростков.

Это временно.

Старик посвятил алхимии десятилетия.

В его знаниях были составы, о которых многие местные алхимики могли даже не подозревать.

Нужны только ингредиенты.

И котёл.

Он поправил одежду, стараясь не задевать болевшее плечо.

Через несколько минут уже стоял за дверью.

Клан оказался больше, чем он ожидал.

Несколько дворов, соединённых проходами. Деревянные строения с загнутыми крышами, каменные дорожки, тренировочная площадка, хозяйственные помещения.

Где-то слышался стук оружия.

Во внутреннем дворе несколько молодых людей отрабатывали движения под присмотром мужчины постарше.

Он замедлил шаг.

Чужой мир перестал быть абстрактным.

До этого были только комната, трое идиотов и знания в голове.

Теперь вокруг действительно находилась другая жизнь.

Незнакомая одежда.

Незнакомые здания.

Оружие.

Люди, которые двигались иначе, чем привычные ему городские прохожие.

Он бы остановился и рассматривал всё дольше, если бы не чувствовал на себе взгляды.

Некоторые проходящие приветствовали его коротким наклоном головы.

Другие делали вид, что не замечают.

Пара молодых парней переглянулась и усмехнулась.

Он запомнил.

Не людей.

Отношение.

Похоже, его положение здесь значило гораздо меньше, чем должно было.

Почему — разберётся позже.

Сейчас важнее было другое.

Стоило обратиться к знаниям старика, как в голове всплывало общее понимание устройства подобных кланов.

Хозяйственные помещения обычно располагались дальше от главного двора.

Хранилища трав — рядом с местом, где их сушили и обрабатывали.

После пары поворотов перед ним оказалось низкое каменное строение.
Внутри пахло сушёной травой, землёй и чем-то резко горьким.
Полки занимали почти все стены.
Правда, многие выглядели подозрительно пустыми.
Он задержался у входа.
Это уже было интереснее.
Клановая кладовая лекарственных материалов не должна выглядеть настолько бедно.
Пока выводы делать рано.
За столом сидел пожилой мужчина и перебирал связки высушенных растений.
Увидев вошедшего, тот поднялся.
В отличие от троицы в комнате, поклонился.
Не особенно низко.
Но правильно.
— Молодой глава.
Он кивнул.
Говорить следовало осторожно.
Он ещё не знал, насколько хорошо прежний хозяин этого тела разбирался в травах.
Слишком резкая перемена могла вызвать вопросы.
Он прошёл вдоль полок.
Большинство растений узнавал сразу.
Простая трава для восстановления сил.
Другая — для снятия воспаления.
Вот эта в больших количествах раздражала внутренние органы.
А эту здесь высушили неправильно.
Он остановился.
Поднял связку.
Листья потемнели по краям.
Почти треть полезных свойств потеряна.
М-да.
Положил обратно.
Для первой попытки ничего сложного не требовалось.
Наоборот.
Самая простая питательная пилюля.
Дешёвые компоненты.
Минимальный риск.
Даже она для нынешнего тела должна была дать заметный эффект.
Он выбрал несколько трав.
Пожилой мужчина наблюдал за ним всё внимательнее.
— Молодой глава собирается лечиться?
— Нет.
Он положил на стол последнюю связку.
— Мне нужен котёл.
Рука хранителя замерла.
— Котёл?
— Алхимический.
Тот молча изучал его.
Потом из соседней комнаты донёсся смехок.
Там находились двое молодых работников.
Один выглянул в дверной проём.

— Молодой глава решил стать алхимиком?
Второй появился за его плечом.
Улыбка у обоих была слишком широкой.
Пожилой хранитель нахмурился.
— Работайте.
Они исчезли.
Но смех не прекратился.
Он посмотрел на дверь.
Здесь, похоже, хорошая репутация у меня вообще везде.
— Самый простой котёл, — повторил он. — И место, где можно развести огонь.
Хранитель хотел что-то спросить.
Передумал.
Вместо этого подошёл к дальней стене и достал небольшой тёмный котёл.
Старый.
Потёртый.
Но целый.
Для первой попытки больше и не требовалось.

Небольшое помещение для обработки трав находилось рядом с хранилищем.
Каменная печь.
Стол.
Несколько ножей.
Вода.
Ничего лишнего.
Он поставил котёл и разложил ингредиенты.
За спиной снова кто-то зашевелился.
Те самые двое работников всё-таки нашли повод заглянуть.
Прогонять их он не стал.
Пусть смотрят.
Через несколько минут им станет не до смеха.
По крайней мере, именно так он думал.
Первую траву измельчил.
Проверил запах.
Нормально.
Вторую разделил на две части, одну отложил.
Третью промыл.
Движения выходили медленнее, чем хотелось.
Но знания были точными.
Он прекрасно понимал, что делает.
Вот здесь ошибиться было почти невозможно.
Огонь разгорелся.
Котёл начал нагреваться.
Он сел перед ним.
Следующий этап требовал внутренней энергии.
Совсем немного.
Для настоящего алхимика — почти ничего.
Он закрыл глаза.
Потянулся внутрь себя.
Ощущение оказалось странным.

Энергия была.
Очень слабое тепло где-то глубоко внутри.
Как крохотный огонёк, который едва держится на фитиле.
Этого должно хватить.
По крайней мере, для простейшей обработки.
Он открыл глаза.
Положил ладонь на край котла.
В голове мгновенно возникла нужная последовательность.
Провести энергию.
Удерживать температуру.
Начать извлекать активные вещества из первой травы.
Подключить вторую.
Не позволить свойствам столкнуться раньше времени.
Просто.
Он направил энергию.
Котёл едва заметно дрогнул.
На дне поднялся пар.
На губах появилась улыбка.
Получалось.
Один вдох.
Второй.
Третий.
На четвёртом улыбка исчезла.
На пятом стало трудно дышать.
Энергия внутри не уменьшалась постепенно.
Она провалилась.
Словно кто-то открыл слив.
Он резко убрал руку.
Поздно.
Перед глазами потемнело.
Его качнуло вперёд.
Ладонь едва успела упереться в пол.
Котёл зашипел.
Запах сразу изменился.
Вместо терпкой горечи по комнате пошла гарь.
Одна из трав почернела.
Вторая свернулась неприятной бурой массой.
Он сидел на одном колене и пытался просто не упасть.
Сзади воцарилась тишина.
Потом кто-то не выдержал.
— Ну как?
Смех.
— Сколько за пилюли брать будешь?
Второй голос добавил:
— Меня потом научишь?
Оба захохотали.
Он почти не слышал их.
Пульс отдавался в висках.
В пальцах появилась неприятная дрожь.

Взгляд оставался прикован к котлу.
Не к сгоревшим травам.
К последовательности событий.
Первый этап прошёл правильно.
Температура была правильной.
Подготовка правильная.
Даже направление энергии не содержало ошибки.
Проблема появилась ровно в тот момент, когда телу понадобилось удерживать поток
дольше нескольких секунд.
Он медленно сел прямо на пол.
Закрыв глаза.
Проверил ещё раз.
Внутри было почти пусто.
Не метафорически.
Он действительно вычерпал практически всё, что мог сейчас использовать.
За несколько секунд.
Вот это уже плохо.
Знания старика подсказывали нормы.
Даже слабый начинающий не должен был выдохнуться настолько быстро.
Он вспомнил утреннюю драку.
Медленные ноги.
Слабые мышцы.
Задышающееся сердце.
Теперь добавлялось ещё и это.
Проблема была гораздо серьезнее обычной физической слабости.
Он открыл глаза.
Работники всё ещё веселились.
— Ещё раз попробуй, молодой глава.
Один из них указал на оставшиеся травы.
— Вдруг сейчас получится.
Он посмотрел на ингредиенты.
Их действительно хватало ещё на одну попытку.
Можно было снова разогреть котёл.
Повторить.
Убедиться окончательно.
Он протянул руку.
И забрал оставшиеся травы со стола.
Убрал обратно в мешочек.
Смех стал чуть тише.
— Всё?
— Всё.
Он поднялся.
Ноги дрожали, поэтому пришлось несколько секунд постоять, опираясь о край стола.
Потом затушил огонь.
Один из работников разочарованно протянул:
— А мы только смотреть начали.
Он взял котёл.
Посмотрел на почерневшее содержимое.
— Одного раза хватило.

— Для чего?

Он поднял глаза.

— Чтобы понять, почему не получилось.

Улыбка напротив на мгновение стала неуверенной.

Больше объяснять было нечего.

Он уже прокручивал в голове варианты.

Обычная алхимия в нынешнем состоянии практически недоступна.

Формации?

Некоторые могли взять часть работы на себя.

Но для хорошей формации нужны материалы, подготовка и подходящая основа. Кроме того, даже формация не создаст энергию из ничего.

Чтобы укрепить тело, нужны лекарства. Чтобы сделать лекарства, нужна энергия. А энергии почти нет. Замкнутый круг.

Тренировки могли укрепить мышцы.

Но если проблема глубже обычной слабости, одними тренировками дело не решить.

Спокойно.

Он вернул котёл хранителю.

Тот посмотрел на его бледное лицо.

Потом на мешочек с неиспользованными травами.

— Не получилось?

— Пока нет.

Он положил травы на стол.

— Эти не трогали. Верните обратно.

Пожилый мужчина забрал мешочек.

Во взгляде появилось что-то новое.

Может, удивление.

Может, просто не ожидал, что молодой глава после провала не станет упрямо портить вторую порцию вслед за первой.

Он направился к выходу.

Сделав несколько шагов, остановился.

— Сколько у нас вообще лекарственных запасов?

Хранитель насторожился.

— Каких именно?

Он оглянулся на полупустые полки.

— Неважно. Потом.

Сейчас он всё равно не знал, какие вопросы задавать.

Сначала нужно понять этот клан.

Кто здесь кому подчиняется.

Почему его положение позволяет одним людям кланяться, а другим — входить без стука и откровенно издеваться.

Почему кладовая выглядит так, будто запасы здесь давно не пополняли.

И почему собственное тело едва способно поддерживать простейший поток энергии.

Утром ему казалось, что он получил невероятную удачу.

К вечеру список проблем уже начинал становиться интереснее.

До комнаты он добрался медленно.

После неудачной попытки с алхимией слабость накатила сильнее.

Пришлось даже остановиться по дороге и сделать вид, что он просто рассматривает двор.

На самом деле ждал, пока перестанет темнеть в глазах.

Вернувшись, первым делом лёг.
Ненадолго.
Проснулся уже ближе к вечеру.
За окном темнело.
В комнате стало прохладнее.
Щека ныла.
Рёбра тоже напоминали о себе.
Он некоторое время лежал, глядя в потолок.
Первый восторг окончательно прошёл.
Знания старика никуда не исчезли.
Они всё ещё были огромным преимуществом.
Но теперь стало ясно одно.
Знать, как что-то сделать, и иметь возможность это сделать — далеко не одно и то же.
В дверь постучали.
Впервые за этот день.
Он приподнялся.
— Входите.
Дверь открылась.
В комнату вошёл высокий мужчина.
Широкие плечи. Тёмная одежда без лишних украшений. На лице несколько старых шрамов.

В движениях чувствовалась спокойная уверенность человека, которому редко приходилось повторять дважды.

Он закрыл за собой дверь.
Взгляд сразу остановился на разбитой губе.
Потом поднялся к синяку на скуле и красному следу на шее.
Мужчина замер.
На секунду его лицо стало совсем неподвижным.
— Сын...
Одного слова хватило.
Вот теперь всё встало на место.
Отец.
Тот подошёл ближе и поставил на стол небольшой свёрток.
Ткань развернулась.
Внутри оказалась баночка.
— Мазь.
Он открыл крышку и сразу узнал запах.
Простейший состав от ушибов.
Ничего особенного.
Но сделан правильно.
— Спасибо.
Отец не ответил.
Продолжал смотреть на лицо сына.
Особенно на след от пальцев на шее.
Потом медленно сел на стул напротив.
— Они сами пришли?
— Да.
На челюсти отца заходила мышца.
Он отвёл взгляд к окну, потом обратно.

— Я разберусь.

Сын набрал немного мази на палец.

— Не надо.

Тишина.

Отец смотрел на него, ожидая продолжения.

Он осторожно провёл мазью по разбитой скуле.

— Завтра от твоего разговора я сильнее не стану.

Пальцы отца медленно сжались на колене.

Что-то в этих словах ему явно не понравилось.

Возможно, именно потому, что спорить было трудно.

Мужчина не ответил сразу.

Потом его взгляд упал на баночку в руках сына.

— Сегодня ты ещё и до хранилища добрался.

Быстро здесь новости расходятся.

— Хотел кое-что попробовать.

— Алхимию?

Он кивнул.

Отец чуть откинулся на спинку стула.

Ни насмешки, ни раздражения.

Только усталость.

— Получилось?

— Нет.

И снова никакого смешка.

Мужчина просто принял ответ.

Это неожиданно понравилось.

Он не стал спрашивать, зачем сын вдруг полез туда, где раньше, видимо, ничем подобным не занимался. Не начал читать нотации.

Провал уже произошёл.

Добавлять сверху было нечего.

Снаружи по коридору кто-то прошёл.

Отец ненадолго повернул голову к двери.

Теперь появилась возможность рассмотреть его спокойнее.

На первый взгляд мужчина выглядел сильным.

Гораздо сильнее любого человека, которого он знал в прежнем мире.

Прямая спина.

Тяжёлые руки.

Неторопливые движения.

Но лицо рассказывало другое.

Под глазами лежали тени.

На висках уже пробивалась седина.

Одежда чистая, аккуратная — и давно ношенная.

А главное — взгляд.

Перед смертью он сам видел почти такой в зеркале бара.

Взгляд человека, который продолжает идти, хотя всё меньше понимает, куда именно.

Причины здесь явно были другими.

Но усталость он узнал.

Отец заметил, что сын его рассматривает.

Они молча смотрели друг на друга.

— Что?

— Ничего.

На этот раз первым отвёл взгляд отец.

Он поднялся.

Прошёл к двери и положил ладонь на ручку.

— Несколько дней держись подальше от неприятностей.

Слова прозвучали почти буднично.

Будто этот совет приходилось давать уже не впервые.

Дверь чуть приоткрылась.

Отец задержался.

— Скоро всё изменится.

Голос был твёрдым.

Как у человека, привыкшего отвечать не только за себя.

Только перед последними словами появилась едва заметная пауза.

Очень короткая.

Другой, возможно, даже не услышал бы.

Он услышал.

Отец хотел в это верить.

Но сам уже не был уверен.

— Отдыхай.

Дверь закрылась.

Он остался один.

Он задержал взгляд на месте, где только что стоял отец.

Потом посмотрел на баночку с мазью.

На свои худые руки.

На окно, за которым окончательно стемнело.

Утром будущее выглядело просто.

Получил знания.

Исправил тело.

Стал сильнее.

Разобрался в новом мире.

К вечеру картина стала интереснее.

Тело оказалось почти беспомощным.

Алхимия недоступна даже на простейшем уровне.

В клане его открыто унижали.

Хранилище пустело.

А отец пришёл к нему и пообещал, что скоро всё изменится, сам не до конца веря в собственные слова.

Он лёг обратно.

Завёл руки за голову.

Некоторое время смотрел в темноту.

Не было печали.

На губах появилась слабая улыбка.

Первый день второй жизни закончился.

Завтра придётся выяснить, куда именно его занесло.

Глава 3

Глава 3. Следы прошлого

Утром он проснулся раньше, чем хотелось.

Щека ныла, плечо тянуло, а тело после вчерашней попытки с алхимией всё ещё казалось непривычно тяжёлым.

Он открыл глаза, уставился в деревянный потолок и медленно сел.

Ну да. Всё-таки не приснилось.

Первым желанием было проверить, насколько восстановилась внутренняя энергия.

Он почти сразу от этой мысли отказался.

Вчера уже хватило.

Драться этим телом почти невозможно. На простейшую алхимию энергии хватает на несколько секунд. Повторять очевидное только ради того, чтобы ещё раз в нём убедиться, смысла не было.

Сейчас требовалось другое.

Информация.

Он слишком мало знал даже о собственной жизни.

Кто он здесь?

Как устроен этот клан?

Какое место занимает его семья?

Почему лекарственное хранилище выглядит так, будто его давно не пополняли?

И насколько плохи дела на самом деле?

На столе лежала оставленная отцом мазь.

Он открыл баночку, нанёс немного на скулу и машинально отметил, что состав вполне приличный. Простой, дешёвый, ничего особенного — но приготовлен правильно.

Закрыв крышку, он оглядел комнату уже не как человек, который несколько часов назад очнулся здесь впервые.

У окна стоял небольшой письменный стол. Несколько листов бумаги, кисть, чернильница.

Он сел.

На верхнем листе были какие-то записи.

Незнакомые знаки.

И всё же прочитал он их сразу.

Не переводя.

Не вспоминая.

Смысл просто оказался понятен.

Он задержал взгляд на строках.

Удобно.

С письмом вышло хуже.

Голова знала, как должен выглядеть знак. Рука — нет.

Первые несколько получились такими, будто их выводил ребёнок.

Что, учитывая нынешнее тело, было даже не особенно обидно.

Он отложил кисть, посмотрел на результат и снова взял её.

На листе постепенно появился короткий список.

Клан.

Семья.

Доходы.

Враги.

Развитие.

Последним он написал:

Я.

Он задержал взгляд на этом слове.

Именно с ним, похоже, будет больше всего проблем.

Архив нашёлся быстро.

Он просто остановил взрослого слугу во внутреннем дворе и спросил, где хранятся старые документы.

Мужчина удивился.

Совсем немного.

Но направление показал сразу.

Ни разрешения, ни сопровождения не потребовалось.

Значит, доступ сюда у прежнего хозяина тела был.

Или ему просто пока никто не считал нужным что-то запрещать.

Архив располагался в длинном одноэтажном здании в стороне от главного двора.

Внутри пахло старой бумагой, деревом и пылью.

Вдоль стен стояли шкафы. На полках лежали свитки, книги, небольшие деревянные короба с бирками.

Он медленно прошёл между ними.

Вчера другой мир существовал для него отдельными кусками.

Комната.

Двор.

Хранилище трав.

Котёл.

Теперь перед ним лежала возможность наконец соединить всё в одну картину.

Знания старика в этом почти не помогали.

Точнее, помогали слишком сильно.

В голове хранились десятилетия чужой жизни: города, земли, кланы, алхимия, техники, формации, растения, болезни, способы развития.

Огромная библиотека.

Только каталога к ней никто не приложил.

Ему не нужно было сейчас знать весь мир.

Сначала стоило разобраться хотя бы с тем его кусочком, где находилась собственная кровать.

Он снял с полки первый свиток.

Через несколько минут вернул.

Второй оказался не лучше.

На третьем наконец попался перечень владений.

Он сел за ближайший стол.

Спустя час рядом лежала небольшая стопка документов.

Картина начала складываться.

Клан оказался устроен не как единый дом, где все живут под одной крышей и подчиняются одному человеку.

Скорее как большое дерево.

Наверху — главная ветвь.

Ниже — средние.

Под ними — младшие.

Каждая распоряжалась собственными землями, людьми и доходами, но формально оставалась частью одного клана.

Его семья принадлежала к младшей ветви.

Когда-то довольно состоятельной.

По крайней мере, старые записи выглядели именно так.

Рудник.

Несколько торговых лавок.

Мастерские.

Земля.

Доход от аренды.

Поставки сырья.

Ничего сказочного, но вполне достаточно, чтобы небольшая ветвь чувствовала себя уверенно.

Он взял документ несколькими годами моложе.

Цифры стали хуже.

Следующий.

Ещё хуже.

Он положил их рядом.

Рудник оставался.

Лавки тоже.

Но прибыль снижалась.

Часть торговых договоров была расторгнута.

Несколько крупных покупателей ушли.

Закупки лекарственных материалов сокращались почти каждый год.

Вот и объяснение полупустым полкам.

Хранилище не разграбили.

Его просто давно перестали нормально пополнять.

Он продолжил листать бумаги.

Постепенно начали повторяться названия трёх соседних кланов.

Спор из-за участка земли.

Потерянный договор.

Торговец, внезапно сменивший поставщика.

Проблемы с перевозкой руды.

Ещё один договор.

Ещё один участок.

Каждый случай по отдельности выглядел мелочью.

Вместе — уже нет.

Он откинулся на спинку стула.

Эту картину он понимал и без знаний старика.

В его прошлом мире вместо рудников были бы производства. Вместо кланов — компании. Вместо караванов — поставщики.

Суть одна.

Слабого заметили.

После этого начали понемногу откусывать.

Чтобы не подавиться.

Он покрутил в пальцах очередной документ.

Лежачего не бьют.

Посмотрел на потерянный контракт.

Ага. Сначала аккуратно укладывают.

Улыбка исчезла почти сразу.
Он вернулся к бумагам.

К полудню стало ясно, почему всё происходило именно так.
Здесь сила определяла гораздо больше, чем возможность победить кого-то в драке.
Положение ветви означало доступ.
К лучшим землям.
Техникам.
Наставникам.
Травам.
Пилюлям.
Деньгам.
Сильный получал ресурсы, которые помогали ему становиться ещё сильнее.
Слабый терял их и отставал всё быстрее.
Очень удобная система.
Если находишься сверху.
Он раскрыл учебный свиток для молодых членов клана.
Система развития была описана без лишней философии.
Сначала шли четыре этапа: Понимание, Познание, Сосредоточение и Укрепление. Каждый делился на пять ступеней.

Следом — Самосознание.

Выше — Озарение.

На этом местный текст заканчивался.

Он перевернул свиток.

Пусто.

А в голове почти сразу всплыло ещё одно название.

Прозрение.

Он медленно положил бумагу на стол.

Вот здесь разница между архивом и знаниями старика становилась особенно заметной.

Для людей этого уровня дорога заканчивалась там, где старик знал ещё один шаг.

Не рецепты сами по себе делали его наследство ценным.

Даже не алхимия.

Старик всю жизнь подбирал куски мира, до которых большинство людей вокруг никогда не добиралось.

Он знал то, чего здесь могли даже не считать существующим.

Оставалась одна маленькая проблема.

Нынешний владелец всех этих знаний вчера едва не потерял сознание, пытаясь обработать несколько дешёвых трав.

Он закрыл свиток.

Всеми своим временем.

Если оно у него есть.

До семейных записей он добрался последними.

Не потому, что они были спрятаны.

Наоборот.

Несколько коробов стояли почти на виду.

Просто читать про землю и деньги было легче.

Цифры ничего от него не хотели.

Он достал первый свиток и развернул.

Родословная.
Имена.
Браки.
Дети.
Даты смерти.
Несколько поколений.
Поначалу взгляд скользил по строкам почти без интереса.
Чужие люди.
Чужие жизни.
Потом одно имя заставило остановиться.
Почему — он не понял.
Просто увидел его и почувствовал странный толчок где-то внутри.
Прочитал ещё раз.
Перед глазами на мгновение возник солнечный двор.
Большая мужская ладонь легла на детскую голову.
Грубый голос что-то сказал.
Кто-то засмеялся.
Образ исчез.
Он замер.
Попытался вернуть его.
Ничего.
С рецептами было проще.
Стоило вспомнить название растения — следом появлялись свойства, способы обработки, сочетания.
Формация — и в сознании возникали линии, узлы, опорные точки.
А личная память старика так не работала.
Она не лежала аккуратно разложенной по полкам.
Только обрывки.
Запахи.
Лица.
Ощущения.
Иногда — одно слово.
И приходили они тогда, когда сами хотели.
Он снова посмотрел на имя.
Это был отец нынешнего главы семьи.
Дед мальчика, чьё тело он получил.
Рядом стояла короткая запись:
Погиб во время вызова вышестоящей ветви.
Он нахмурился.
Правила вызова попадались ему раньше.
Младшая ветвь имела право бросить вызов средней.
Победа означала не награду.
Ветви целиком менялись местами.
Статус.
Земли.
Доступ к ресурсам.
Положение внутри клана.
Проигрыш мог стоить намного дороже.
Его дед попробовал поднять семью.

И погиб.
Он придвинул к себе старые финансовые записи.
Спад начинался примерно после этого.
Вот откуда всё пошло.
Он вернулся к родословной.
Следующая строка.
Нынешний глава семьи.
Мужчина, который вчера принёс мазь.
Отец.
Рядом — имя его жены.
И короткая пометка.
Умерла при родах.
Он задержался на ней чуть дольше.
Потом опустил взгляд ниже.
Единственный сын.
Имя.
Дата рождения.
Он машинально пересчитал годы.
Четырнадцать.
Ровно столько, сколько должно быть этому телу.
Вроде бы ничего необычного.
И всё же внутри опять что-то дрогнуло.
Он прочитал имя.
Перед глазами вспыхнул новый образ.
Тот же двор.
Только здания выглядят новее.
Мужчина, которого он теперь знал как отца, заметно моложе. Стоит возле тренировочной площадки.
Кто-то зовёт мальчика.
Тем самым именем.
Воспоминание исчезло.
Он не пошевелился.
Посмотрел на собственные руки.
Потом снова в родословную.
Ещё один обрывок.
Похороны.
Отец.
Старше.
Кулаки сжаты так сильно, что побелели пальцы.
Дальше — другая картина.
Грязная дорога.
Изношенная одежда.
Разрушенный дом.
И знакомое чувство пустоты.
Он уже ощущал его.
Там.
В сером пространстве.
Во время передачи знаний.
Тогда картинки ничего ему не говорили.

Теперь перед ним лежали имена.

Дата рождения.

Родство.

Возраст.

Те же лица.

Слишком много совпадений.

Он медленно опустил свиток на стол.

— Вот оно как.

Голос прозвучал тише, чем он ожидал.

Старик не отправил его искать своих потомков.

Не дал адрес.

Не попросил однажды добраться до далёкого клана.

Он отдал ему собственную жизнь.

Её начало.

Он снова посмотрел на четырнадцатилетний возраст напротив имени.

Тело, в котором сейчас находился, когда-то должно было вырасти.

Увидеть падение семьи.

Потерять её.

Скитаться.

Собирать знания.

Состариться.

А потом каким-то образом встретить между мирами человека, умершего с ножом в животе, и передать ему всё накопленное.

Чтобы тот оказался здесь.

До конца.

До того дня, который старик не сумел изменить.

Он прикрыл глаза.

Старый хитрец.

И всё же злости не было.

Тот ведь сказал правду.

Он просил дать семье шанс.

Просто не стал объяснять, насколько буквально этот шанс будет выглядеть.

Он снова развернул родословную.

Мать умерла при родах.

Этого уже не изменить.

Дед погиб.

Тоже поздно.

Но отец жив.

Клан существует.

Владения ещё принадлежат им.

Соседи давят, но пока только давят.

Значит, катастрофа, которую старик носил в себе до смерти, ещё не произошла.

Вот чего тот хотел на самом деле.

Не мести.

Не восстановления руин.

Не убийства людей, которые однажды всё отнимут.

Он хотел вернуться туда, где ещё можно было не допустить самого падения.

Мужчина аккуратно свернул родословную.

Обещание, данное в серой пустоте, перестало быть разговором с незнакомым стариком.

Теперь у него появилось лицо.

Вчера это лицо сидело напротив и делало вид, что всё находится под контролем.

Из архива он вышел далеко после полудня.

Голова гудела.

Возвращаться в комнату не хотелось.

Он пошёл вдоль края внутреннего двора, где людей было меньше.

Теперь взгляды окружающих читались иначе.

Кто-то приветствовал молодого главу.

Кто-то отворачивался.

Кто-то смотрел слишком долго.

Дело было уже не только в слабом мальчишке, над которым удобно посмеяться.

Вся ветвь медленно теряла положение.

И люди это чувствовали.

Уважение обычно заканчивается чуть раньше денег.

На тренировочной площадке занимались взрослые.

Чуть в стороне стояли двое пожилых мужчин.

Один что-то раздражённо доказывал второму.

Тот отмахнулся.

Первый повысил голос.

Второй поморщился и отвернулся.

Вскоре они уже вместе смотрели на тренировавшихся и обсуждали что-то другое.

Он задержал взгляд.

В записях ему попадались упоминания о двух старейшинах.

Возможно, это были они.

Подходить не стал.

Людей на сегодня и так хватало.

Следующие два дня он почти не трогал алхимию.

Читал.

Считал.

Сравнивал документы.

Наблюдал за двором.

Иногда задавал самые обычные вопросы людям, которые не видели в них ничего необычного.

К третьему дню картина стала достаточно ясной.

Лучше от этого не стало.

Ветвь пока не умирала.

Но направление выбрала правильное.

Доходы снижались.

Соседи давили.

Ресурсов становилось меньше.

Некоторые люди уже начинали поглядывать туда, где положение выглядело надёжнее.

Авторитет отца ещё держал всё вместе.

Пока.

Несколько лет ветвь, возможно, протянула бы.

Если бы никто не ускорил процесс.

Но стоило трём соседним кланам решить, что добычу уже можно делить, и никаких лет не останется.

Самое раздражающее заключалось в другом.
Он знал способы изменить положение.
По крайней мере теоретически.
В его голове были рецепты пилюль, за которые местные алхимики отдали бы многое.
Методы лечения.
Техники.
Формации.
Способы исправлять ошибки в развитии.
Знаний хватало.
Возможностей использовать их — почти нет.
Библиотека на тонущем корабле.
Очень ценная.
Главное — успеть не утонуть вместе с ней.
На третий день он снова занялся собственным телом.
На этот раз без котла.
Сел в комнате и просто почувствовал внутреннюю энергию.
Не тянул её наружу.
Не заставлял двигаться.
Наблюдал.
Восстанавливалась она медленно.
Слишком медленно.
Объём тоже оставался жалким.
Несколько секунд настоящей алхимической работы — и он снова будет пуст.
Зато теперь он хотя бы знал границу.
Не бился в неё лбом.
Он разложил перед собой записи.
Обычная алхимия требовала непрерывной обработки нескольких компонентов.
Для него это невозможно.
Значит, нужно убрать непрерывность.
Мысль пришла не сразу.
Сначала он отбросил её как неудобную.
Потом вернулся.
А если не обрабатывать всё сразу?
Одно растение.
Довести до нужного состояния.
Остановиться.
Восстановиться.
Следующее.
Снова отдых.
Подготовить каждый компонент отдельно.
И только потом соединить.
Для нормального алхимика — бессмысленно долго.
Возможно, даже смешно.
Но нормальным алхимиком он сейчас не являлся.
Он взял чистый лист.
Начал считать.
В какой-то момент вспомнил о формациях.
Они могли стабилизировать часть процесса.
Снять часть нагрузки.

Позже.

Сейчас у него не было ни подходящих материалов, ни возможности построить что-то действительно полезное.

Но направление стоило запомнить.

Он продолжил расчёты.

Даже самый примитивный вариант требовал времени.

Тело нужно подготовить хотя бы настолько, чтобы оно не отключалось после нескольких секунд работы.

Дешёвые травы можно использовать не в пилюлях.

Ванны.

Отвары.

Питание.

Физическая нагрузка.

Маленькими шагами.

Без красивых чудес.

Он смотрел на исписанный лист.

Потом на второй.

На третий.

Ему нужен был срок.

Не точный.

Точного никто не даст.

Но хоть какой-то.

Он взял кисть.

Подумал.

И написал:

Три месяца.

Меньше — почти бессмысленно.

Больше...

Он посмотрел на записи о состоянии ветви.

Больше ему могли просто не дать.

За три месяца он либо сумеет выжать из этого тела достаточно, чтобы сделать первый настоящий шаг...

либо поймёт, что выбранный путь вообще не работает.

Самое неприятное заключалось в том, что эти три месяца зависели не только от него.

Их должен был купить отец.

Деньгами.

Землями.

Репутацией.

Чем угодно, что потребуют люди, уже почувствовавшие слабость.

Он медленно провёл пальцем рядом с написанным сроком.

В прошлой жизни ему всегда было проще сделать что-то самому, чем попросить другого человека о серьёзной услуге.

Особенно если не можешь пообещать результат.

Теперь другого выхода не было.

Назвался груздем...

Он отложил кисть.

До вечера оставалось немного.

Перед дверью отцовского кабинета он остановился.

Изнутри доносились голоса.
Один человек говорил быстро и раздражённо.
Отец отвечал редко.
Слов разобрать не удалось.
Через некоторое время дверь открылась.
Наружу вышел мужчина средних лет.
Увидев молодого главу, слегка замедлил шаг.
Поклонился.
Всё правильно.
Ровно настолько, насколько требовали правила.
Ни капель больше.
Он проводил его взглядом.
Три дня назад такой жест прошёл бы мимо.
Теперь нет.
Человек выполнил обязанность.
Уважения в ней не было.
Из кабинета донёсся голос:
— Если пришёл, заходи.
Он открыл дверь.
Отец сидел за столом.
Перед ним лежали документы.
Часть разложена по стопкам, несколько свитков раскрыты.
Он выглядел так, будто сидел здесь давно.
И вставать пока не собирался.
Отец поднял глаза.
Ненадолго задержал взгляд на сыне.
— Что случилось?
Он закрыл дверь.
Подошёл ближе.
На столе лежал знакомый тип финансовых записей.
Только здесь их было намного больше, чем он видел в архиве.
Теперь становилось понятнее, почему отец выглядел так, будто давно нормально не спал.
Он сел напротив.
Ответ последовал не сразу.
Отец не торопился.
Просто ждал.
Вот теперь всё, что он собирался сказать, стало звучать значительно тяжелее, чем в комнате над листом бумаги.
Три месяца.
Для него — время попробовать.
Для сидящего напротив человека — три месяца удерживать разваливающийся дом неизвестно какой ценой.
И всё ради обещания мальчишки, которого ещё несколько дней назад били во дворе собственные ровесники.
Он поднял взгляд.
— Мне нужно, чтобы ты мне поверил.
Отец медленно отложил документ.
Не спросил, зачем.
Не усмехнулся.

Только чуть выпрямился.
— Говори.
Он сделал короткий вдох.
— И мне нужны три месяца.

Глава 4

Глава 4. Три месяца

Отец не переспросил.

Только медленно отложил документ, который держал в руках, и посмотрел на сына через стол.

В кабинете уже сгущались сумерки. Свет из окна почти исчез, и небольшая лампа рядом с кипой бумаг оставляла большую часть комнаты в полутьме.

— Мне нужно, чтобы ты мне поверил, — повторил он. — И дал время.

Отец сцепил пальцы перед собой.

— На что?

Вот теперь начиналась та часть разговора, которую он несколько раз прокручивал в голове по дороге сюда.

Ни один вариант ему не нравился.

Сказать правду он не мог.

По крайней мере, не сейчас.

Рассказать человеку напротив, что его настоящий сын когда-то потеряет семью, проживёт долгую жизнь, состарится, а после смерти передаст свои знания незнакомцу из другого мира?

Такое объяснение породит больше проблем, чем решит.

Оставалось говорить только о том, что можно доказать.

— На то, чтобы попробовать исправить себя.

Взгляд отца на мгновение опустился к его рукам.

Тонким запястьям.

Узким плечам.

— Мы пытались.

Он замер.

Отец провёл ладонью по лицу.

— С самого твоего рождения. Лекари. Травники. Два алхимика. Один даже приезжал из средней ветви.

Вот этого в архиве не было.

— И?

— Ты жив.

Ответ прозвучал сухо.

Отец посмотрел в сторону.

— Иногда только это они и обещали.

Повисла тишина.

Теперь становилось понятнее, почему собственная слабость прежнего хозяина тела никого особенно не удивляла.

Для этой семьи она давно была частью жизни.

— Я не прошу тебя искать ещё одного лекаря.

Отец снова перевёл взгляд на него.

— Тогда чего ты хочешь?

Он чуть подался вперёд.

— Я хочу попробовать сам.

На лице мужчины ничего не изменилось.

Но молчание стало другим.

— Сам.

— Да.

— Ты вчера едва не потерял сознание над простейшим котлом.
— Поэтому я и понял, что обычным способом ничего не получится.
Отец долго смотрел на него.
— Ты говоришь так, будто знаешь другой.
— Пока нет.
Брови мужчины чуть сошлись.
— Тогда мы опять вернулись к началу.
— Нет.
Он покачал головой.
— Теперь я хотя бы знаю, почему первая попытка провалилась.
Он ненадолго замолчал, подбирая слова.
— Мне не хватает энергии. Не немного. Почти совсем. Если продолжать как обычный алхимик, результат будет тем же каждый раз.
Отец не перебивал.
— Значит, нужно изменить не тело под обычный способ, а сам способ под это тело.
На этот раз в глазах мужчины мелькнул интерес.
Слабый.
Но настоящий.
— Каким образом?
— Пока думаю.
— Очень обнадеживает.
Уголок губ сына едва заметно поднялся.
— Мне тоже нравится.
Отец коротко выдохнул и отвёл взгляд к столу.
Напряжение немного ослабло.
Ненадолго.
— И ради этого ты пришёл ко мне?
— Не только.
Теперь он сам посмотрел на бумаги.
В архиве он видел такие же.
Доходы.
Договоры.
Земля.
Только здесь документов было гораздо больше.
— Я последние дни разбирался, что происходит с ветвью.
Отец медленно поднял глаза.
Вот теперь в них появилась настороженность.
— Разбирался?
— Был в архиве.
Мужчина не удивился.
Похоже, об этом он уже знал.
— И что ты там нашёл?
— Что мы теряем деньги каждый год. Что закупки сокращаются. Что три соседних клана постоянно забирают у нас то договор, то землю, то торговца.
Отец молчал.
— И что после смерти деда всё это пошло быстрее.
Лицо напротив стало жёстче.
Он заметил это, но продолжил:

— Они не пытаются уничтожить нас сразу. Им это не нужно. Пока можно забирать понемногу и почти ничем не рисковать.

Рука отца легла на край одного из документов.

— Кто тебе всё это объяснил?

— Никто.

— Несколько дней назад тебя не интересовало даже то, сколько приносит наш рудник.

— Знаю.

— А теперь ты сидишь напротив меня и рассуждаешь о соседних кланах.

Он выдержал взгляд.

— Я изменился.

— Это я заметил.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Отец поднялся со стула и подошёл к окну.

Во дворе уже зажигали фонари.

Некоторое время он смотрел наружу.

— Я пока не спрашиваю, почему.

Пока.

Он услышал это и без продолжения.

— Спасибо.

— Не благодари.

Отец повернулся.

— Я просто хочу сначала понять, зачем мой сын пришёл ко мне просить время, когда у нас его и так почти не осталось.

Вот теперь можно было переходить к главному.

— Потому что сейчас мы только отступаем.

Мужчина ничего не сказал.

— Каждый раз, когда соседи давят, мы отдаём что-то ещё. Или тратим больше, чтобы сохранить прежнее. Через год у нас будет меньше денег и меньше ресурсов. Через два — ещё меньше.

Он постучал пальцем по столу.

— Мне не нужно за пару месяцев стать сильнее всех. Мне нужен один результат.

— Какой?

— Такой, который даст нам возможность перестать только защищаться.

Отец вернулся к столу, но не сел.

— Пилюля?

— Возможно.

— Ты не смог сделать даже простейшую.

— Пока.

В комнате снова стало тихо.

Отец смотрел сверху вниз.

Сын не отвёл глаз.

— Допустим, ты найдёшь способ.

Он медленно сел.

— Что изменит одна пилюля?

— Зависит от пилюли.

— Удобный ответ.

— Но правильный.

Он потянул к себе чистый лист.

Кисти не было, поэтому просто указал пальцем на пустую поверхность.

— Ценная вещь — это не только деньги. Её можно обменять на ресурсы. На помощь. На защиту. На отношения с человеком, который сильнее нас.

Отец слегка прищурился.

— Ты уже придумал, кому её отдашь?

— Нет.

— Значит, плана нет.

— Есть направление.

Он не стал спорить дальше.

План действительно был слишком громким словом.

У него имелись знания, слабое тело и предположение, что при правильном подходе всё это можно заставить работать вместе.

Не больше.

Но и не меньше.

Отец откинулся назад.

— И сколько тебе нужно?

Он посмотрел прямо на него.

— Три месяца.

Теперь мужчина понял, к чему шёл весь разговор.

Его лицо не изменилось сразу.

Сначала он просто перевёл взгляд на бумаги.

Потом взял один из документов.

Развернул.

Сын узнал печать соседнего клана.

Отец провёл пальцем по нескольким строкам.

— Они хотят часть южной земли.

Он положил документ обратно.

— За это обещают прекратить спор за остальное.

— И ты собирался отказать.

Мужчина прищурился.

— Откуда знаешь?

— Если бы собирался согласиться, документ уже не лежал бы здесь.

Отец ответил не сразу.

— Да.

Он убрал письмо в сторону.

— Собирался.

Его пальцы задержались на краю бумаги.

— Эта земля принадлежит нашей семье дольше, чем я живу.

Сын молчал.

— Рудник тоже. Лавка возле восточных ворот принадлежала моей матери. Участок возле реки отец получил после многолетнего спора.

Он поднял взгляд.

— Для тебя это сейчас записи в архиве.

И вот здесь возражать было бессмысленно.

— Да.

— Ты можешь посчитать доход. Стоимость земли. Сколько месяцев мы выиграем, если уступим.

Отец слегка постучал пальцами по столу.

— А я помню людей, которые всё это строили.

В голосе не было упрёка.

От этого слова весили больше.
— Понимаю.
— Нет.
Отец покачал головой.
— Но, возможно, когда-нибудь поймёшь.
Он не стал спорить и с этим.
Мужчина некоторое время рассматривал письмо.
Потом отодвинул его.
— Если я дам тебе это время, мне придётся уступить.
— Да.
— Не только землю.
— Понимаю.
— Деньги. Договоры. Возможно, часть предприятий.
Он кивнул.
— Люди решат, что я окончательно ослаб.
Сын опустил взгляд.
Вот здесь всё становилось неприятнее.
Отдать участок можно посчитать.
Чужое отношение — нет.
— Некоторые уйдут, — продолжил отец. — Те, кто сейчас ещё остаётся только потому, что надеется на лучшее.
— Возможно.
— Не «возможно».
Мужчина посмотрел прямо на него.
— Уйдут.
Пауза.
— Тогда пусть.
Лицо отца стало жёстче.
— Легко говоришь.
— Нет.
Он покачал головой.
— Я просто не вижу смысла покупать верность людей, которые уйдут при первой возможности.
Отец молчал.
Он продолжил уже тише:
— Но я не прошу тебя специально всё разрушать. Я прошу только не держаться за имущество и гордость, если их цена — время, которого у нас нет.
Слова повисли между ними.
Отец очень медленно отвёл взгляд.
Вот теперь он попал туда, куда не хотел.
В гордость.
В то, что мужчина напротив удерживал годами.
— Ты знаешь, как погиб твой дед?
— Только то, что прочитал.
Отец прикрыл глаза.
Через мгновение снова открыл.
— Тогда наша ветвь была сильнее.
Он говорил спокойно, но теперь каждое слово давалось чуть медленнее.
— Не настолько, как мы думали.

Он отодвинул документы, освобождая перед собой место.

— Отец хотел подняться в среднюю ветвь. Люди вокруг поддерживали его. Старейшины были уверены, что он победит.

Рука мужчины сжалась.

— Я тоже.

Сын не двигался.

— Я стоял рядом и смотрел.

Пауза.

— Всё закончилось быстрее, чем я успел понять, что происходит.

В архиве была одна строчка.

Погиб во время вызова вышестоящей ветви.

Несколько слов.

Для сидящего напротив человека — один из дней, который он помнил всю жизнь.

— Человек, которого отец вызвал, имел доступ к тому, чего не было у нас. Лучшие техники. Учителей. Пилюли. Опыт.

Отец усмехнулся одними губами.

— Мы считали себя сильными, потому что сравнивали себя с такими же младшими ветвями.

Он посмотрел на сына.

— В тот день я впервые понял разницу.

Теперь становилось понятно, почему отец столько лет просто удерживал оставшееся.

Он уже видел, чем заканчивается попытка прыгнуть выше, если ошибся в собственных силах.

— После его смерти соседи тоже поняли разницу, — сказал сын.

— Да.

Одно короткое слово.

Отец опустил взгляд на свои руки.

— Я потратил годы, чтобы сохранить хотя бы то, что осталось.

Он замолчал.

— И теперь ты просишь меня самому начать это отдавать.

Сын кивнул.

— Если это даст нам шанс не потерять всё.

Мужчина поднял голову.

— А если ты ошибся?

— Тогда я буду виноват.

— И что мне даст твоя вина?

Ничего.

Он не стал придумывать красивый ответ.

— Ничего.

Отец не сводил с него глаз.

— Хорошо.

Слово прозвучало неожиданно.

Но мужчина не соглашался.

Он просто принял честный ответ.

— Насколько ты уверен, что у тебя получится?

— Не уверен.

— Совсем?

— У меня есть знания. Есть идеи. Но тело может оказаться хуже, чем я думаю.

Отец кивнул.

— Оно всегда было хуже, чем думали лекари.

Вот теперь эта фраза прозвучала естественно.

Без пророчеств.

Без знаний будущего.

Просто как опыт человека, который четырнадцать лет пытался вылечить сына.

— Может оказаться, что исправить его вообще нельзя, — продолжил отец.

Он задержался с ответом.

Такой вариант существовал.

Теперь уже глупо было его отрицать.

— Тогда буду искать способ обойти это.

— Как?

— Не знаю.

Мужчина прикрыл глаза и несколько секунд сидел неподвижно.

Сын ждал.

— Ты часто говоришь «не знаю» для человека, который просит меня рисковать остатками ветви.

— Потому что если начну тебе врать, легче не станет.

На этот раз в глазах отца мелькнуло что-то похожее на усталое одобрение.

— Хоть это разумно.

Он снова посмотрел на письмо о южной земле.

Не тронул.

Просто посмотрел.

— Если я соглашусь на твою просьбу, тебе придётся работать каждый день.

— Буду.

— Не неделю.

— Понимаю.

— И не до первой неудачи.

Сын вспомнил почерневшие травы.

— Понимаю.

Отец поднял руку, останавливая его.

— Нет. Послушай.

Голос впервые стал жёстче.

— Я могу потерять землю.

Он указал на один документ.

— Могу потерять лавки.

Другой.

— Могу позволить людям считать меня трусом, если это действительно даст тебе время.

Пальцы мужчины легли на стол.

— Но я не стану делать всё это ради того, чтобы через месяц ты решил, что ошибся и устал.

Сын смотрел прямо на него.

— Не решу.

— Откуда такая уверенность?

Он подумал.

Ответ оказался проще, чем ожидал.

— Потому что второй возможности у меня не будет.

Отец нахмурился.

Но сын уже продолжил:

— Если за эти месяцы я ничего не найду, дальше положение станет только хуже. Моё — тоже. Я это понимаю.

Не вся правда.

Но достаточно близко.

Отец медленно откинулся на спинку стула.

Тишина затянулась.

За стеной кто-то прошёл по коридору.

Во дворе раздался короткий окрик.

Где-то закрылась дверь.

Обычная жизнь продолжалась буквально в нескольких шагах.

Здесь же мужчина решал, стоит ли добровольно принять унижение ради шанса, который не мог даже оценить.

Он снова посмотрел на сына.

Долго.

— Ты действительно изменился.

Сын не ответил сразу.

— Возможно, пришло время.

— За три дня?

— Бывает и быстрее.

Отец чуть качнул головой.

— Раньше я не мог заставить тебя прочитать даже половину семейных записей.

— Значит, нашёл хороший способ мотивации.

— Какой?

Он коснулся синяка на скуле.

Отец перевёл взгляд на синяк.

На мгновение губы мужчины дрогнули.

Но улыбки не получилось.

Он отвернулся первым.

— Дурак.

Сказано было почти без злости.

Сын ничего не ответил.

Через несколько мгновений отец поднялся.

Подошёл к окну.

За стеклом уже стало совсем темно.

Долго смотрел во двор.

— Когда родилась твоя мать, её отец говорил, что она слишком упрямая.

Сын чуть нахмурился.

Не ожидал такого поворота.

— Потом я думал, что ты пошёл в неё.

Отец положил ладонь на оконную раму.

— Сейчас уже не уверен.

Он стоял спиной.

— После её смерти я много раз думал, что хотя бы тебя обязан сохранить.

Слова прозвучали просто.

Без попытки вызвать жалость.

— Иногда этого было достаточно.

Он повернулся.

— Иногда — нет.

Сын почувствовал неприятную тяжесть в груди.

В родословной была одна строчка.
Умерла при родах.
Вот и всё, что он знал о женщине, которая умерла, давая жизнь этому телу.
Для отца её жизнь явно не помещалась в одну строку.
Мужчина вернулся к столу.
Сел.
Положил обе ладони перед собой.
— Как глава ветви я должен тебе отказать.
Сын молчал.
— У нас слишком мало ресурсов. Слишком много врагов. И слишком слабая надежда.
Он ненадолго прикрыл глаза.
— Но не как глава.
Когда он снова посмотрел на сына, выражение изменилось.
Стало проще.
Тяжелее.
Честнее.
— Как отец я могу довериться тебе.
Сын не сразу нашёл ответ.
Отец продолжил:
— Хуже уже почти не будет.
— Очень успокаивает.
На этот раз мужчина действительно слегка улыбнулся.
— Другого у меня нет.
Улыбка исчезла.
Он посмотрел на бумаги.
На письмо с чужой печатью.
На старые расчёты.
Потом снова на сына.
— Я дам тебе это время.
Только теперь тот позволил себе выдохнуть.
— Спасибо.
— Рано.
Отец чуть подался вперёд.
— За него придётся платить.
— Знаю.
— Пока только думаешь, что знаешь.
Возможно.
Скорее всего.
Но спорить он не стал.
Отец провёл ладонью по краю стола.
— Я буду удерживать ветвь столько, сколько смогу. Если придётся отдать землю — отдам.
Если придётся потерять доход — потеряю.
Пауза.
— Если придётся выслушивать то, чего раньше я бы никому не позволил...
Его челюсть напряглась.
Вот она.
Настоящая цена.
Не серебро.
Не участок земли.

Гордость человека, который привык быть главой.
Сын невольно сжал пальцы.
Отец заметил:
— Не делай такое лицо.
— Какое?
— Будто уже собираешься идти кому-то что-то доказывать.
— Я пока даже быстро ходить не могу.
— Вот и хорошо.
Они встретились взглядами.
Потом отец тихо сказал:
— Пожертвовать гордостью ради возможного будущего сына я готов.
Он не отвёл взгляда.
— Но используй этот шанс.
Сын кивнул.
— Использую.
Отец откинулся назад.
Словно вместе с решением с плеч исчезло что-то одно и тут же легло другое.
— Тогда иди.
Он поднялся.
У самой двери остановился.
— Отец.
Мужчина обернулся.
Слова благодарности почему-то показались слишком маленькими.
В итоге он произнёс другое:
— Я постараюсь сделать так, чтобы оно того стоило.
Отец ничего не ответил сразу.
Потом коротко кивнул.
Этого оказалось достаточно.
Он вышел в коридор.
Дверь закрылась.
Он задержался перед закрытой дверью.
Ещё сегодня днём три месяца были просто числом на листе.
Теперь это время принадлежало ему.
А платить за него предстояло отцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.